

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 82

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Рубина, Дина.

Р 82 Белая голубка Кордовы : роман / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2014. — 704 с. — (Дина Рубина. Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-75401-4

Воистину, ни один человек на земле не способен сказать — кто он.

Гений подделки, влюбленный в живопись. Фальсификатор с душою истинного художника. Благородный авантюрист, эдакий Робин Гуд от искусства, блистательный интеллектual и обаятельный мошенник, — новый в литературе и неотразимый образ главного героя романа «Белая голубка Кордовы».

Трагическая и авантюрная судьба Захара Кордовина выстраивает сюжет его жизни в стиле захватывающего триллера. События следуют одно за другим, буквально не давая вздохнуть ни герою, ни читателям. Винница и Питер, Иерусалим и Рим, Толедо, Кордова и Ватикан изображены автором с завораживающей точностью деталей и поистине звенящей красотой. Седьмой роман Дины Рубиной открывает особый этап в ее творчестве.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Д. Рубина, 2014
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-75401-4

Посвящается Боре

«Нет на земле ни одного человека, способного сказать, кто он. Никто не знает, зачем он явился в этот мир, что означают его поступки, его чувства и мысли, и каково его истинное имя, его непреходящее Имя в списке Света...»

Леон Блуа
Душа Наполеона

Часть первая

Глава первая

1.

Перед отъездом он все же решил позвонить тетке. Он вообще всегда первым шел на примирение. Главным тут было не заискивать, не сюсюкать, а держаться, словно бы и ссоры нет, — так, чепуха, легкая размолвка.

— Ну, что, — спросил он, — что тебе привезти — *кастануэлас*?¹

— Иди к черту! — отчеканила она. Но в голосе слышалось некоторое удовлетворение, что — позвонил, позвонил все-таки, не умчался там крылышками трещать.

— Тогда веер, а, Жўка? — сказал он, улыбаясь в трубку и представляя ее патрицианское горбоносое лицо в ореоле подсиненной дымки. — Прилепим те-

1 Кастануэлас (*исп.*) — кастаньеты.

бе мушку на щечку, и выйдешь ты на балкон своей богадельни обмахиваться, как маха какая-нибудь, ядрён-корень.

— Мне ничего от тебя не надо! — сказала она строптиво.

— Вона как. — Сам он был кроток, как голубь. — Ну ла-адно... Тогда привезу тебе испанскую метлу.

— Что еще за испанскую? — буркнула она. И попалась.

— А на какой еще ваша сестра там летает? — воскликнул он, ликуя, как в детстве, когда одурачишь простофилю и скачешь вокруг с воплем: «об-ма-нули ду-ра-ка на че-ты-ре ку-ла-ка!».

Она швырнула трубку, но это было уже не ссорой, а так, грозой в начале мая, и уезжать можно было с легким сердцем, тем более что за день до размолвки он съездил на рынок и забил теткин холодильник до отказа.

* * *

Оставалось только *закруглить* еще одно дело, *сюжет* которого он выстраивал и разрабатывал (виньетки деталей, арабески подробностей) — вот уже три года.

И завтра, наконец, на утренней зорьке, на фоне бирюзовых декораций, из пены морской (*лечебно-курортной*, отметим, пены), родится *новая Венера* за личной его подписью: последний взмах дирижера, патетический аккорд в финале симфонии.

Не торопясь, он уложил любимый мягкий чемодан из оливковой кожи, небольшой, но приемистый, как солдатская котомка: его утрамбуешь до отказа, *по самое*, как говорил дядя Сёма, *не могу*, — глядь, а второй туфель всё же влез.

Готовясь к поездке, он всегда тщательно продумывал свой прикид. Помедлил над рубашками, заменил кремовую на синюю, вытащил к ней из связки галстуков в шкафу темно-голубой, шелковый... Да: и запонки, а как же. Те, что подарила Ирина. И те, другие, что подарила Марго — обязательно: она приметливая.

Ну, вот. Теперь *эксперт* одет достойно на все пять дней *испанского проекта*.

Почему-то слово «эксперт», про себя произнесенное, рассмешило его настолько, что он захохотал, даже повалился ничком на тахту, рядом с открытым чемоданом, и минуты две смеялся громко, с удовольствием, — он всегда заразительней всего хохотал наедине с собой.

Продолжая смеяться, перекатился к краю тахты, свесился, вытянул нижний ящик платяного шкафа и, порывшись среди мятых трусов и носков, вытащил пистолет.

Это был удобный, простой конструкции «глок» системы Кольта, с автоматической блокировкой ударника, с несильным плавным откатом. К тому же, при помощи шпильки или гвоздя его можно было разобрать в одну минуту.

*Будем надеяться, дружище, что завтра ты
простишь в чемодане всю важную встречу.*

Поздним вечером он выехал из Иерусалима в сторону Мертвого моря.

Не любил съезжать по этим петлям в темноте, но недавно дорогу расширили, частью осветили, и верблюжьи горбы холмов, что прежде сдавливали тебя с обеих сторон, проталкивая в воронку пустыни, словно бы нехотя расступились...

Но за перекрестком, где после заправочной станции дорога поворачивает и идет вдоль моря, освещение кончилось, и набухшая солью гибельная тьма — та, что лишь у моря бывает, у *этого* моря, — навалилась вновь, шибая в лицо внезапными фарами встречных машин. Справа утрюмо громоздились черные скалы Кумрана, слева угадывалась черная, с внезапным асфальтовым проблеском соляная гладь, за которой далекими огоньками слезился иорданский берег...

Минут через сорок из тьмы внизу взмыло и рассыпалось праздничное созвездие огней: Эйн Бокек, со своими отелями, клиниками, ресторанами и магазинчиками, — приют богатого туриста, в том числе, и убогого чухонца. А дальше по берегу, на некотором расстоянии от курортного поселка, одиноко и величаво раскинул в ночи свои белые, ярко освещенные палубы, гигантский отель «Нирвана» — в пятьсот тринадцатом номере которого Ирина, скорее всего, уже спала.

Из всех его женщин она была единственной, кто, как и он, дай ей волю, укладывалась бы с петухами и с ними же вставала. Что оказалось неудобно: он не любил делить с кем бы то ни было свои рассветные часы, берег запас пружинистой утренней силы, когда впереди огромный день, и глаза острые и свежи, и кончики пальцев чутки, как у пианиста, и башка отлично варит, и все удается в курящемся дымке над первой чашкой кофе.

Ради этих драгоценных рассветных часов он частенько уезжал от Ирины поздней ночью.

Въехав на стоянку отеля, припарковался, достал из багажника чемодан и, не торопясь, продлевая последние минуты одиночества, направился к огромным карусельным лопастям главного входа.

— Спишь?! — шутливо гаркнул охраннику-эфиопу. — А я бомбу принес.

Тот встрепенулся, зыркнул белками глаз и недоверчиво растянул в темноте белую гармонику улыбки:

— Да ла-а-дно...

Они знали друг друга в лицо. В этом отеле, многолюдном и бестолковом, как город, стоящем в стороне от курортного поселка, он любил назначать деловые встречи, последние, итоговые: тот самый завершающий аккорд симфонии, к которому *интересанту* надо еще пилить по неслабой дороге, меж нависших над морем скалистых зубов, затянутых скрепами и сеткой исполинского дантиста.

И правильно: как говорил дядя Сёма — *не потопашь, не полопашь*. (Впрочем, сам дядя *топнуть* своим ортопедическим ботинком ни за что бы не смог.)

Вот он, пятьсот тринадцатый номер. Бесшумное краткое соитие замочной прорези с электронным ключом, добытым у осовелой дежурной: *понимаете, не хочу будить жену, бедная страдает мигренями и рано укладывается...*

Никакой жены у него сроду не было.

Никакими мигренями она не страдала.

И разбудить ее он собирался немедленно.

Ирина спала, как обычно — завернутая в кокон одеяла, как белый сыр в друскую питу.

Вечно упакуется, зароется, да еще под бока подоткнет, — хоть археологов нанимай.

Бросив на пол чемодан и куртку, он на ходу стянул свитер, скovyрнул — нога об ногу — кроссовки, и рухнул рядом с ней на кровать, еще в джинсах — замок застрял на бугристом изломе молнии — и майке.

Ирина проснулась, и они завозились одновременно, пытаясь высвободиться из одеяла, из одежды, мыча друг другу в лицо:

— ...ты обещал, бессовестный, обещал...

— ...и сдержу обещание, человек ты в футляре!

— ...ну, что ты, как дикий, набросился! погоди...
постой минутку...

— ...уже стою, ты не чувствуешь?

— ...фу, наглец... ну дай же мне хотя бы...

— ...кто ж тебе не даст... вот, пожалуйста, и вот...
и вот... и... во-о-о-о-о...

...В открытой двери балкона солидарная с ним в ритме лимонная луна то взмывала над перилами со своим лупоглазым бесстыдным «браво!», то опускалась вниз, сначала медленно и плавно, затем все быстрее, быстрее — словно увлекшись этими, новыми для нее, качелями, — то увеличивая, то сокращая размах взлета и падения. Но вот замерла на головокружительной высоте, балансируя, будто в последний раз озирая небесную округу... и вдруг сорвалась и помчалась, ускоряя и ускоряя темп, едва ли не задыхаясь в этой гонке, пока не застонала, не забилась, не вздрогнула освобожденно, и — не затихла, в изнеможении повиснув где-то на задворках небес...

...Затем Ирина плескалась в душе, то и дело переключая горячую струю на холодную (сейчас займется в постель — мокрая, как утопленник, и давай, грей ее до собственного посинения), — а он пытался взглядом проследить в окне микроскопические передвижения бледно-одутловатого светила, своего недавнего партнера по свальному греху.

Наконец, поднялся и вышел на балкон.

Гигантский отель погружен был в оцепенелый сон на краю мерцающего соляного озера. Внизу, в окружении пальм, полированной крышкой рояля лежал бассейн, в котором скакала желтая ломкая луна. В трех десятках метров от бассейна тянулся пляж с членистоногими пирамидками собранных на ночь пластиковых лежаков и кресел.

Стылое мерцание соли вдали сообщало неподвижной ночи ледяное безмолвие, нечто новогоднее — вроде ожидания чудес и подарков.

Что ж, за подарками дело не станет.

— Ты с ума сошел: голым — на балкон? — послышался за спиною бодрый голос. — Стыд у тебя есть элементарный? Люди же кругом...

Иногда ее хотелось не то чтобы выключить, но слегка убавить звук.

Он закрыл балконную дверь, задернул штору и зажег настольную лампу.

— Ты поправилась... — задумчиво проговорил он, валясь на кровать и разглядывая Ирину в распахнутом махровом халате. — Мне это нравится. Ты сейчас похожа на Дину Верни.

— Что-о-о?! Что это за баба?

— Натурщица Майоля. Скинь-ка этот идиотский халат, ага... и повернись спиной. Да: те же пропорции. При тонкой спине сильная выразительная линия бедер. И плечо сейчас так плавно восходит в шею... Ай-яй, какая натура! Жаль, что я сто лет карандаш в руки не брал.